

**ОПИСАНИЕ БОГАТЫРСКОГО ПИРА В «ДЖАНГАРЕ»
И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ РЕАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
(ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦЕРЕМОНИЙ ПИРОВ
КИТАЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ НАЧАЛА XIX в.)**

В наши дни изучение эпических мотивов и эпизодов, представляющих реализации тех или иных мотивов в разных текстах или версиях одних и тех же текстов, приобретает все большее значение в эпосоведении. Важная роль в исследованиях этого рода отводится указателям типических мест эпоса [Кузьмина 2005, 2010]. Не менее принципиально значимыми оказываются исследования эпических констант — своеобразных элементов реальности героического эпоса, служащих в нем предметом описания и оформляющих последовательность действия [Хабунова 2006].

Обращение к конкретному эпическому материалу — калмыцкому эпосу «Джангар», который не привлекался к исследованию типических мест в эпосе монгольских и тюркских народов Е. Н. Кузьминой, сразу же показывает, что метаязык для описания такой константы, как богатырский пир, не полон, более того, богатырский пир и богатырская еда составляют две разных константы: к последней относятся собственно еда — то есть богатырские блюда, объем съеденного на пиру, а также богатырская посуда в ее количестве и размерах. К характеристике собственно пира можно отнести такие мотивы или, точнее, микромотивы или малые стилевые константы эпоса (термин Е. Э. Хабуновой), как: 1) причины его организации

(пир по случаю рождения героя, по случаю победы и т. д.); 2) место его организации; 3) состав пирующих (актуализированный перечислением сословных, возрастных гендерных характеристик присутствующих); 4) формы размещения присутствующих на пиру в соответствии со статусом; 5) место главных действующих лиц эпоса на пиру и их функции; 6) удовлетворенность или неудовлетворенность отдельных персонажей тем местом, которое они занимают на пиру; 7) действия героев во время пира; 8) действия, происходящие непосредственно накануне пира, одновременно с пиром или сразу после окончания пира (состязания и т. п.); 9) продолжительность пира. Е. Н. Кузьмина включает часть отмеченных выше микромотивов в характеристику богатырской еды, относя к ним описание стола и угощения, вкушение яств и беседу [Кузьмина 2005: 9].

Надо сказать, что в материалах по героическому эпосу монгольских и тюркских народов Сибири реализованы далеко не все названные нами выше мотивы, поэтому состав типических мест сибирского эпоса по Е. Н. Кузьминой оказывается до известной степени достаточным для какого-то корпуса материала или даже региональной традиции. Однако хотелось бы привести одну цитату из алтайского (ойротского) эпоса «Маадай-Кара»: «Шестьдесят каанов на Алтае — / Все зашевелились, / Семьдесят каанов на земле — / Все задвигались, оказывается. / В его стойбище теперь / Славный пир устроили, / На его земле теперь / Большой той затеяли. / Лучшие кони, оказывается, / К состязанию готовы. / Сильные мужчины, оказывается, / Борьбу замышляют. / Там, где дети должны играть, / Узорчатые шелка расстелили, / На пути молодых женщин и девушек / Красивые шелка растянули. / На лугу Ойгылык / Парни собрались — играют. / На лугу Кыйгылык / Девушки собрались — веселятся. / Мяса нарубили с гору, / Араки собрали с реку. / Баранов с облакоподобным салом, повалив, закололи, / С коней с гороподобными холками шкуры содрали. / На девяносто дней той устроили, / На семьдесят дней пир устроили» (Маадай-Кара, стк. 423–448) [Кузьмина 2005: 187]. Этот фрагмент алтайского эпоса показывает, что для его характеристики понятийный аппарат микромотивов может и должен быть расширен, хотя в нем

и не представлены некоторые микромотивы, о которых мы будем говорить далее.

По наблюдениям Е. Э. Хабуновой, константа «победный пир» встречена в текстах три раза [Хабунова 2006: 138–139], и она значительно уступает по ее использованию тем константам, которые сопровождают богатырские поединки.

Описание богатырского пира во вступлении к «Джангару» по версии Ээлян Овла, проанализированное Е. Э. Хабуновой, дает нам дополнительные характеристики, которые необходимо учитывать при описании богатырского пира: «Эти [правого и левого кругов] и подобные им богатыри / Со своими многочисленными сайдами / *Семь полных кругов составив, восседают / Седобородые / Белоликие старики восседают, составив круг / Красноликие старухи восседают, составив круг / Светлоликие невестки восседают, составив круг / Краснощекие девицы восседают, составив круг / Восседали они, пируя / С прозрачной арзой / [Изготовленной] из обильного молока необъезженных кобылиц» [Хабунова 2006: 163–164; другой перевод этого же фрагмента см.: Джангар 1990: 201–202].*

Версия «Джангара» в исполнении Ээлян Овла содержит и иные значимые характеристики богатырского пира или, возможно, ханского пира, которые необходимо учитывать и при описании структуры повествования, и при сопоставительно-типологическом анализе эпических произведений и эпических традиций. Так, в описании пира Джангара значимым оказывается противопоставление двух сторон, где располагаются пирующие — правой и левой сторон, при этом каждая из сторон имеет возглавляющего ее богатыря: «Правую сторону [богатырей] возглавляет ... Ясновидец Алтан Чэджи, <...> *Левую сторону возглавляет ... Лев из львов Алып Хонгор Благородный*» [Джангар 1990: 200–201]. Места, занимаемые этими богатырями, неизменны во всех песнях «Джангара» версии Ээлян Овла (см.: [Джангар 1990: 270, 327]) . В малодербетской версии «Джангара», как и у Ээлян Овла, на правой стороне главенствует Алтан Чэджи, но на левой — Гюзян-Гюмбе, рядом с которым располагается Хонгор [Джангар 1999: 55, 77, см. также: 79, 83, 167; Джангар 1988: 23, 37]. В версии Ээлян

Овла левую сторону пирующих возглавляет Хонгор, но здесь уже Гюзян-Гюмбе сидит непосредственно рядом с ним [Джангар 1990: 200]. Кроме главенствующих на правой и левой сторонах, среди героев «Джангара», присутствующих на пирах, выделяются еще богатыри, главенствующие над семью кругами пирующих. По версии «Джангара», записанной от М. Басангова, правые семь кругов возглавляет Хонгор, левые — Савар [Джангар 1988: 53, 57, 71, 88, 135] — в двух других версиях деление каждой из сторон на семь кругов не упоминается и названные богатыри этих функций не исполняют. Складывается впечатление, что главенство над сторонами во время пира у Джангара определяется имущественным положением богатырей, а главенство над кругами пирующих приобретается их воинскими доблестями. Видимо, не случайно и то, что подвиги богатырей, присутствующих на пиру, полагалось считать от большего числа к меньшему, поскольку нарушение этого правила приводит к обиде Савара, 34 подвига которого как бы оказались оценены ниже, чем 33 подвига Гюзян-Гюмбе [Джангар 1988: 122] — хотя на самом деле первое или второе место Гюзян-Гюмбе на правой стороне пирующих присутствует в двух разных версиях «Джангара», а претензии на места по заслугам, озвучиваемые Саваром — только в версии М. Басангова. Кстати, попасть на пир к Джангару героям эпоса вообще не так уж просто, и одних личных заслуг для этого недостаточно. В «Джангаре» говорится, что златоуст Кэ-Джилган, отвечающий за доступ в ханский дворец «Нойонов, владеющих пятью тысячами дворов, / Далекo прогонял он, / Нойонов, владеющих десятью тысячами дворов, / Поодаль сажал он, / Нойонов, владеющих более десятью тысячами дворов / Едва допускал он к пиру» [Джангар 1988: 17].

Распределение пирующих на семь кругов, получившее описание в Прологе версии Ээлян Овла, кроме данной версии, характерно для версии М. Басангова, то есть оно является общим и довольно ранним компонентом калмыцкого героического эпоса, а распределение пирующих на две стороны, без сомнения, можно считать принадлежащим архетипу эпоса или исключительным по значимости компонентом «Джангара» в его позднейших состояниях после обретения им черт изображения государственности. В версии Ээлян

Овла упоминание о семи кругах пирующих, символизирующее единство всех жителей страны Бумбы, с одной стороны, служит средством экспозиции и завершения некоторых песен, с другой стороны, оно выглядит как средство скреп между отдельными песнями «Джангара» по этой версии [Джангар 1990: 206, 240, 241, 253, 254, 263 — дважды, 289, 303].

Противопоставление правой и левой сторон пирующих в применении к «Джангару» требует дополнительного внимания. Однако уже сейчас просматривается то, что правая сторона пирующих имеет некоторый приоритет над левой стороной. Так, Алтан Чэджи обращается к Хонгору: «Хонгор мой, / *спроси же о причине печали*» — и получает ответ: «Если восседающий справа от владыки / Не спросил, / Как же обратиться [к нему] / Мне, [восседавшему] с левой стороны?» [Джангар 1990: 270]. Сам Джангар, приехав к хану Замбалу, садится в правой части дворца [Джангар 1990: 211], видимо, подчеркивая тем самым равное с хозяином положение.

Выше нам приходилось оговаривать, что не все компоненты описания богатырского пира находят место в типологических характеристиках — теперь становится понятно, что некоторые черты описания богатырского пира в калмыцком эпосе «Джангар» не укладываются в состав типических мест эпоса монгольских и тюркских народов Сибири и требуют расширения состава малых эпических констант или микромотивов.

Одновременно с проблемами исторической типологии описания пира в «Джангаре», маркирующие и актуализирующие социальные характеристики эпических героев заставляют задуматься над тем, какая социальная реальность могла получить подобное отражение в эпосе. Как представляется, мы имеем ответ на этот вопрос — его дают нам подробные описания церемоний пира при дворе китайских императоров, составленные Н. Я. Бичуриным. Приведем такое описание:

«Х. ЦЕРЕМОНИАЛ БОЛЬШОГО ПИРА ПРИ ДВОРЕ. Большие пиры при дворе даются в тронной Тхай-хо-дянь и ежегодно бывают только в Новый год и в день рождения государева, исключая необыкновенные какие-либо случаи. Большой пир состоит из трех частей: приготовления, расположения и церемониала.

Приготовление состоит в следующем: Обрядовая Палата предварительно представляет государю расписание, что ниже увидим. Для исправления пира разбивают одну желтую палатку на южном конце красного помоста, прямо против дверей тронной. В этой палатке становятся столы для посуды. Это буфетная палатка.

По восточную и западную сторону красного помоста ставят для восточного и западного крыла по восьми палаток из синей китайки. Музыканты поставлены под свесом на обеих сторонах, а большая музыка расположена у ворот Тхай-хо-мынь. Внутри тронной перед престолом ставят стол для царского кушанья. Подалее в тронной же и вне тронной на обеих сторонах помоста расставляют столы для князей и чиновников. Все это готовится Дворцовым Правлением. Члены Обрядовой Палаты, начальники телохранителей, члены Дворцового Правления и Приказа Внешних Сношений надсматривают за расположением столов. Комитет Гуан-лу-сы представляет посуду. Экипажная контора расставляет царский кортеж.

Расположение пира в тронной Тхай-хо-дянь есть следующее: на южном краю красного крыльца, на самой середине царской дороги ставится желтая палатка с буфетным столом. По обеим сторонам красного помоста расставляют по восьми палаток из синей китайки; музыканты становятся по обеим сторонам под свесом тронной и у ворот Тхай-хо-мынь; кортеж с царскими регалиями располагается по церемониалу. В тронной, перед престолом, на восточной и западной стороне столы для вельмож-- предводителей церемониальных; по сторонам престола, несколько назад, столы для опричных; позади опричных столы для телохранителей с леопардовыми хвостами; на западной стороне стол для журналистов; на восточной и западной половине тронной по семи рядов столов для пекинских и заграничных князей; для гражданских и военных чиновников первых четырех классов; для заграничных князей; для тай-цзи, табу-чанов и беков; за дверями тронной под свесом на восточной стороне столы для членов Приказа Внешних Сношений; на западной стороне столы для членов Прокурорского Приказа; на красном крыльце, на обеих сторонах, столы для наследственных чиновников первых четырех классов и телохранителей. Позади

их, на восточной стороне стол для вельмож, имеющих начинать мимику; стол для имеющих производить мимику — по восточную сторону желтой палатки; стол для членов Дворцового Правления по западную сторону; на обеих половинах красного помоста, в синих палатках столы для гражданских и военных чиновников от 5-го до 14-го класса, см. выше; на западной стороне и последние места назначены для иностранных посланников.

Церемониал пира состоит в следующем: в день пира на рассвете съезжаются во дворец князя и чиновники в церемониальном одеянии, полковники, прочие офицеры гвардии в парадных кафтанах и курмах, а чиновники, долженствующие служить при столе, — в одних парадных кафтанах. По окончании распоряжений князя и чиновники входят во двор тронной Тхай-хо-дянь и занимают места по порядку степеней и классов. После сего члены Обрядовой Палаты докладывают государю о времени шествовать в тронную Тхай-хо-дянь. На воротах Ву-мынь бьют в колокол и литавру. Государь, в церемониальном одеянии, при игрании музыки садится на престол. Музыка умолкает. Бьют плетью три раза. Князя и чиновники, став у своих столов, делают по одному поклону и садятся. Полковники гвардии, чиновники Дворцового Правления из полковников дворцовых войск и начальник евнухов подходят к государеву столу и, отступив назад, становятся на свои места. Подают чай, причем играет музыка на красном крыльце. Государь кушает чай. Князя и чиновники, встав с мест своих, делают поклон и садятся. Телохранители подают чай князьям и вельможам. Чиновники Дворцового Правления разносят чай чиновникам на красном крыльце и помосте. Чиновники, встав с своих мест, делают поклон; выпив чай, опять делают поклон и садятся. Музыка перестает. Развертывают чехлы на столах. Чиновники церемониального отделения в Обрядовой Палате входят в желтую палатку. Один берет со стола сосуд с вином, другой — кубок, третий — золотую чару; один за другим всходят на крыльцо по среднему сходу и останавливаются у тронной по восточную сторону средней двери, лицом к западу. Играет музыка на красном крыльце. Вельможа, подносящий кубок, встает с своего места, снимает с себя парадную курму; а если на нем соболья доха, то снимает доху; князя и прочие то же дела-

ют; вельможа, назначенный подносить кубок, выступает вперед и становится на колена. Чиновник церемониального отделения берет винный сосуд, наливает вино в кубок, входит в тронную среднюю дверь и, став на колена лицом к западу, подает кубок вельможе, который по принятии кубка всходит по ступеням трона с левой стороны и с коленопреклонением подносит государю. Государь принимает кубок, а вельможа, отступивши на место прежнего коленопреклонения, опять становится на колена. Государь кушает вино. Вельможа делает поклон до земли. Князья и прочие вслед за ним делают также поклон до земли. Вельможа опять всходит по ступеням трона с правой стороны и, с коленопреклонением приняв кубок, сходит со ступеней и опять становится на колена на прежнем месте. Член церемониального отделения с коленопреклонением принимает кубок и уходит. Князья и прочие встают на ноги. Чиновник церемониального отделения наливает вино в золотую чару и, стоя на ногах, подносит вельможе, подносившему кубок государю; вельможа с коленопреклонением принимает чару, делает поклон до земли и пьет. Тот же чиновник, стоя на ногах, принимает у него чару и отходит на прежнее свое место. Вельможа после сего делает поклон до земли и опять надевает парадную курму или доху. Музыка умолкает. Князья и вельможи садятся. Вельможа, подносивший вино, также садится на свое место. Государь принимает пищу при игрании духовой музыки. Подают кушанья князьям и вельможам. Четверо из придворных вельмож, встав на своих местах, смотрят за пиром. Когда телохранитель подносит вино князьям и прочим, то последние, встав с своих мест, делают поклон до земли и, выпив по чаре, делают опять поклон до земли. В это время член Обрядовой Палаты и члены ее отделений выводят плясунов на красное крыльцо. Начальник хора начинает песню, начальник плясунов открывает пляску {Эти пляски состоят из мимики, каковую употребляли при царских столах в продолжение первых трех династий до Р. Х. — примечание Н. Я. Бичурина. — А. Б.}. Высшие чиновники, в церемониальном одеянии, выходят на середину зала, делают три поклона до земли и, отступив, становятся на восточной стороне, а отселе каждый однажды проходит танец; по окончании пляски они опять

становятся посредине тронной и, сделав три поклона до земли, уходят. После них являются с монгольскими свирелями и играют монгольские песни. Потом следует музыка и пляска корейская и других народов. Все сии потехи оканчиваются театром.

Наконец, все скрывается. Играет музыка на красном крыльце. Князя и чиновники встают с своих мест и делают три поклона до земли. Музыка умолкает. Бьют плетью. Начинает играть задняя музыка, и государь возвращается во внутренний дворец. После сего умолкает задняя музыка, и гости расходятся.

Точно таким же образом — с небольшим только изменением — совершается пир, делаемый государем по случаю своей женитьбы. На другой день после брака он входит в тронную Тхай-хо-дянь, угощает тестя и родственников своей супруги. Стол для тестя ставится в самой тронной, в конце княжеских столов, а прочие родственники сидят по классам чинов в своих знаменах. Как скоро государь сядет на престол, тесть с своими родственниками становится на восточной стороне красного помоста и, обратясь лицом к северу, совершает три коленопреклонения с девятью поклонами в землю, чего не бывает при обыкновенном большом пире. После сего все отходят и садятся на своих местах. Пир совершается по вышеизложенному церемониалу; а пир при выдаче царевны дается в тронной Бао-хо-дянь с некоторыми изменениями в самом церемониале, что ниже увидим.

Когда дается большой пир в тронной Тхай-хо-дянь или пир по случаю выдачи царевны, то Обрядовая Палата предварительно распределяет места как для князей и вельмож, так и для гражданских и военных чиновников, и, составив раскрашенный чертеж, представляет вместе с церемониалом государю на утверждение; а по получении указа сообщает этот чертеж в разные присутственные места для сведения.

Сверх того, Палата сообщает куда следует, сколько князя должны представить баранов, вина и посуды для стола; сколько приготовить столов, разной посуды, палаток и даже дровяных углей для согревания вина.

На большой пир в тронной Тхай-хо-дянь употребляется 82 барана; а столы, баранов и вино обязаны князя доставить.

Князья 1-й и 2-й степени должны представить по три, князья 3-й и 4-й степени по два, а прочие князья, включенные в число восьми долей, по одному барану. Недостающее число Обрядовая Палата пополняет. Для пира по случаю выдачи царевны царский зять представляет 90 столов с 81 бараном, которых препровождает в Обрядовую Палату для обряжения. На прочие пиры, даваемые от имени государя, число баранов определено законом; а для обряжения баранов Обрядовая Палата содержит 10 человек, выбираемых из низших пяти знамен.

XI. ЦЕРЕМОНИАЛ УГОЩЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ДВОРЕ

Император два раза угощает князей и прочих приезжающих в Пекин из-за границы с поздравлением на Новый год; в первый раз — в тронной Бао-хо-дянь накануне Нового года; в другой раз — в загородном дворце Юань-мин-юань в 15-й день первого месяца. Угощение производится по церемониалу тронной Тхай-хо-дянь, почему остается взглянуть на расположение пиров.

Расположение пира в тронной Бао-хо-дянь производится в следующем порядке: на дворе против дверей тронной ставится желтая палатка с буфетным столом; под свесом тронной, на обеих сторонах, музыканты; в тронной на восточной и западной половине поставлены столы в пять рядов. За столами на восточной стороне садятся монгольские князья 1-й и 2-й степени; бэйлэ; бэй-цзи; гун; императорские зятья; тюркистанские князья; владетельные тай-цзи; вельможи хозяйствующие и чины классов первого и второго.

Такое же расположение мест и на западной стороне. На восточной и западной стороне красного помоста ставится по три ряда столов; на восточной стороне высшее место занимают монгольские тай-цзи; далее иностранные посланники, между которыми корейский посланник занимает старшее место; на западной стороне в первом ряду монгольские тай-цзи; инородческие посланцы; тюркистанские беки; посланцы из Хами и Турпана; во втором ряду чередные беки; задний ряд на восточной и западной стороне телохранители занимают. Члены Палаты Обрядов занимают место по восточную, а члены Дворцового Правления по

западную сторону желтой палатки. Престол и окружающее его в том же порядке, как и в тронной Тхай-хо-дянь, как то: посреди зала трон; перед троном стол с царским кушаньем; далее, впереди столы для церемониальных предводителей; позади трона столы для опричных (25); позади сих столов столы для телохранителей; далее, на северо-запад, стол для журналистов» [Бичурин 1842].

Противопоставление двух сторон — западной и восточной — в этом описании изоморфно противопоставлению правой и левой сторон в описании пира Джангара. Показательно, что на обеих сторонах главенствующие места занимали «монгольские тай-цзи»: очевидно, императорские пиры производили на тех, кто создал «Джангар», впечатление не только своим величием, но и тем высоким положением, которое отводилось на пирах представителям монгольской, и, вероятно, ойратской знати.

Сходным в этом описании с характеристиками пиров в «Джангаре» оказывается и присутствие на пирах музыкантов и танцоров — в героическом сказании изображено даже исполнение самого эпоса «Джангар». Существенно, что на императорских пирах звучала монгольская свирель и исполнялись монгольские песни — эта деталь, как думается, должна была стимулировать наблюдателей к отражению подробностей императорского пира в эпосе.

Литература

Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. [1842]. М.: Восточный Дом, 2002. (Классика отечественного и зарубежного востоковедения). [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_0230.shtml (дата обращения: 23.11.2014).

Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. Элиста, 1988.

Джангар. Калмыцкий героический эпос. М., 1990.

Джангар. Малодербетская версия. Элиста, 1999.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла. Ростов-на Дону, 2006.